

В основном немецкие школы были сосредоточены в нескольких районах: по Тельманскому имелось 33 немецких класса (794 учащихся); по Новочеркасскому – 18 классов (559 чел.); в Карагандинском – 19 немецких классов (371 чел.); по Еркеншиликскому 13 классов (209 чел.); по Акмолинскому – 32 класса (462 учащихся). В 1939/1940 гг. по сведениям ГорОНО в Караганде работали такие учителя немецкой национальности как: Шенфельд Р.Г., Рейц М.Х., Бреннер А.С., Нейфельд Г.П., Функ Г.Г., Миллер Е.С., Сухан Я. Я., Ниденс М.А., Нейверт А.А., Якоби К. М., Шефер П.Т., Неб Э.К., Нейфельд Г.П., Миллер Е, Гекман Л.И., Герман, Ниденс М.А., Лих А.А., Конради Р.К., Асилус Р.К, Гофман А.П., Руди А.А., Матилис Г.Я., Рэмбе А.А., Кайзер А.А., Эпп Ф.Я., Шейд Е.Х., Дик Н.П., Дорнгоф А.Н., Рихмаер С.П., Экерт И.Я., Штер О.Я. [19]. Многие из них внесли существенный вклад в развитие школьного образования Центрального Казахстана в 1930 гг.

Вопросы развития школьного образования (в т.ч. немецкого) в Центральном Казахстане, более-менее благополучно решавшиеся в первой половине 1930 гг., к концу десятилетия сошли на нет. Особенностью кадровой политики советского государства в отношении немецкого населения стала тотальная трансформация социальной структуры. Что достаточно лаконично и емко отражено в следующих словах: «...Добиться решительного перелома в состоянии работы в немецких колониях...».

1. ГАКО. Ф. 22. Оп.1. Д. 23. Л. 1.
2. Там же. Л. 6.
3. Там же. Ф. 469. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
4. Там же. Л. 85.
5. Там же. Л. 208.
6. Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 24. Л. 243.
7. Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 3. Л. 322.
8. Там же. Д. 53. Л. 1.
9. Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.
10. Там же. Ф. 1п. Оп. 2. Д. 39. Л. 130.
11. Там же. Ф. 469. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.
12. Там же. Ф. 1п. Оп. 2. Д. 39. Л. 22.
13. Там же. Ф. 469. Оп. 1. Д. 2. Л. 53.
14. Там же. Л.100
15. Там же. Ф. 1п. Оп. 2. Д. 129. Л. 30.
16. ГАКО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 31. Л. 20.
17. ЦГА Каз. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 137. Л. 5-7.
18. Там же. Л. 36.
19. ГАКО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 6.

Ярков А.П.

ПРОТЕСТАНТЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ИЗ ОПЫТА РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В XVIII В.

ротестантизм, как отражение неоднозначных процессов в западном христианстве, в нашем крае прошел тот же путь, что и в центральной части страны. Вместе с тем, его эволюция обусловлена спецификой отдаленной российской провинции, активно осваиваемой переселенцами и используемой в качестве места массовой ссылки.

Очевидно, что к началу XVIII в. регион представлял собой «поле господства» Русской Православной Церкви. Православная религия длительное время поддерживала духовно-нравственное самочувствие большинства пришедших европейцев (в основном, русских и украинцев) и коми, ставших со временем старожильческим населением края. Но дело усложнялось тем, что первыми служилыми людьми и переселенцами из европейской части государства за Урал были, по преимуществу, люди вольные, бродячие, привыкшие относиться свободно к религии и нравственности. Руководство нравственным воспитанием должны были осуществлять православные монахи и священники. Поднять богословский и нравственный уровень местного духовенства и переселенцев, преодолеть религиозную разобщенность населения огромного региона можно было только в рамках строгой централизации

церковно-иерархической структуры, что и было сделано в 1620 г. с подчинением всех православных в Сибири епархии в Тобольске. В крае к тому времени сложилась пестрая этноконфессиональная ситуация: с XII–XVI вв. среди сибирских татар распространялся ислам; в 1635 г. в деле Сибирского приказа о возвращении военнопленных, сосланных «в службу» и «на пашню» упоминаются не только «литовские [1], немецкие люди» (очевидно, что среди них были католики и протестанты), но и «жиды» (т.е. евреи-иудеи); несогласие с реформами патриарха Никона (середина XVII в.) привело к расколу в православии, в результате чего значительная часть верующих сибиряков («старообрядцы», «староверы», «раскольники») оказались в оппозиции РПЦ. Опасаться РПЦ потерять паству на вновь присоединенных территориях за Уралом были и другие причины.

К тому времени отголоски процесса разделения западного христианства на католицизм и множество протестантских течений (в т.ч. занимавшихся прозелитизмом) достигли и Западной Сибири. В 1622 г. «на государеву службу, служить съ иноземцы» в Тобольск препроводили из Кирилло-Белозерского монастыря «тех Немцевъ, Анца Локмана и Матюшку, что былъ немецкий попъ», т.е. власти разрешили компактно поселиться в этом городе группе «иноземцев» вместе со священником. В 1629 г. был прислан с Москвы в Томский город Свейские земли немчин Олферко Елисеев. А велено ево устроить в государеву службу с ыноземцы» [2]. Несколько позже – в 1640 гг. отбывал ссылку в Тобольске старец Капитон – основоположник российского квакерства [3].

Правительственные указы выражали заботу о православном просвещении подданных в Сибири, но при этом запрещали массовое крещение, в т.ч. попадавших сюда «иноземцев» (нередко их именовали и «иноверцами» [4], не отделяя от российских мусульман, иудеев и т.д.). Характерен указ «от великих государей Иоанна и Петра Алексеевичей» и их сестры царевны Софьи: «Буде которые иноземцы похотят креститься в православную христианскую веру волею своею и их велеть принимать и крестить, а неволею никаких иноземцев крестить не велеть ... Сибирь – государство дальнее и стоит меж бусурманских и иных вер многих земель, чтобы тем тобольских татар и бухарцев и иных земель приезжих иноземцев не отогнать и сибирскому государству никакого повреждения не учинить...».

Не были готовы к «диалогу религий» и другие. Так, Ю. Крижанич в труде «Политика» рекомендовал «избавиться в Сибири от немцев», причисляя к ним всех протестантов [5], которые здесь появлялись с XVII в., но особенно активно стали осваивать этот регион в начале XVIII в., представляя собой компактно расселенную группу. В этой связи заметим ошибочность тезиса И.В. Лоткина, что: «Первые ссыльные лютеранского вероисповедания появились в Сибири еще в середине XVIII в. ... появлению же первой лютеранской колонии в Сибири содействовал указ императора Павла I о заселения Забайкалья уголовными преступниками, изданный в 1799 г.» [6]. Истоки этой ошибки, как представляются – в многотомном труде о латышах в Сибири, изданном в Риге в 1938–1939 гг. [7].

Дело в том, что в 1702 г. Петр I манифестом объявил свободу вероисповедания иностранцам, которые активно использовались в России, а с 1709 г., заметим, Тобольск стал центром крупнейшей в стране губернии, куда вошли Урал, Сибирь, Дальний Восток. Родилось и любопытное сравнение: «Москва – первопрестольная столица России, Тобольск – славная столица Сибири. В Тобольске все как в Москве: кремль, Спасская башня с часами, свои Бутырки, Арбат и Кокуй» [8]. Роль Кокуя выполнял Панин бугор, где с 1703 г. С.У. Ремезов организовал кирпичное производство [9]; где позже и стало работать большинство военнопленных армии Карла XII, сосланные в этот город. Видимо, там и была построена в ноябре 1713 г. первая протестантская кирха.

Среди оказавшихся 3 тыс. военнопленных, сосланных в 1711 г. в «Тобольск в работу» [10], заметим, были и католики, но протестантов, очевидно, было значительно больше. По крайней мере, к ним можно отнести всех 1 165 шведов, из которых 800 – офицеры, а остальные – женщины, дети и прислуга [11]. Они не только не отказались от своего вероисповедания, но и активно его поддерживали через общину, помогавшую им идентифицироваться среди россиян и ставшую центром кристаллизации европейских образовательных и культурных институтов в Западной Сибири. Это не мешало некоторым шведам принимать участие в праздновании православной Пасхи в Тобольске в 1717 г.

Для анализа рассматриваемых процессов важно подчеркнуть, что протестантизм появился здесь уже в формах, оппозиционных традиционному лютеранству и, что немаловажно, институционализированным. К тому же согласно указу Сената 1717 г. было предписано – военнопленных насильно «не женить», «не крестить», «не порабощать». Первым пастором Тобольской общины стал Г.Ф. Вайзе – ученик Г.А. Франке – сторонника и миссионера пиетизма. К пиетистам относили себя капитаны шведской армии Врех, Таберт, Крейц, лейтенант Пальм. Для дисперсно проживающих в Западной Сибири военнопленных и российских военных-выходцев из Европы (статус и обстоятельства служ-

бы которых не позволяли регулярно посещать богослужения) принципы пиетизма оказались наиболее привлекательными. Франке проявлял искреннюю заботу о сибирских единоверцах и земляках, присылая деньги [12] и религиозную литературу на немецком языке, поддерживая в них не только религиозную веру, но и этническое самосознание. Заметим, что отчасти могло поддержать (или напомнить) религиозное сознание множество ходивших по региону западноевропейских счетных жетонов XVI–XVIII вв. с цитатами из Библии или напоминанием о Боге [13].

По методике Франке в Тобольске в 1713 г. К.-Ф. фон Врехом была создана частная школа [14] для детей военнопленных, где обучали чтению Библии, молитвам, пению псалмов, и где «по уставу ученики не имели права говорить со своими наставниками о чем-либо, кроме божественного». Но поставленное на немецком языке обучение Священному писанию, катехизису, географии, арифметики и рисованию не исключало изучение латыни, немецкого и французского языков. Сам Врех составил записки о своем пребывании в Сибири, где, в частности, дал описание верований, быта и обычаев хантов [15]. Принявший участие в миссионерской поездке митрополита Филофея (Лещинского) Й. Мюллер по возвращении в Берлин в своей книге также подробно описал жизнь хантов. Пастор Г. Седерберг осветил в своей книге религиозные верования русских. Более известны в науке по своему вкладу Й.Г. Ренат, Ф.И. Таберт, путешествовавшие по всей Сибири. Любопытно, что попавший в 1715 г. в Джунгарский плен Й.Г. Ренат не только сохранил там свою веру, но и возвращаясь из него в 1733 г., «прихватил» с собой двух служанок-буруток, принявших протестантизм.

Конечно, военнопленные размещались не только в Тобольске, и не были только сторонниками пиетизма (в том же Тобольске жил уважаемые военнопленными Г. Лариус). В Тюмени их должно было быть сослано в 1711 г. – 1 000, Туринск – 200, Тобольск – 3 000, Тару – 500, Березове – 200, Томск – 1 000, Мангазею – 100, Кузнецк – 500, Енисейск – 100, Красноярск – 100. Причем в Енисейск, Красноярск и Мангазею, специально оговаривалось, должны были направлять только офицеров [16]. Позже военнопленные оказались в Туруханске, Нерчинске, Якутске, Селенгинске, Илимске, Киренске, Пельме, Нарыме, где очевидно, также существовали небольшие общины верующих [17]. Иногда некоторым, как пастору Кулину фэнрику Скониу, разрешали переезды из Тюмени в Тобольск «по собственной надобности и для покупки вина для причастия».

В 1721 г. вышел указ Святейшего синода, разрешавший лютеранам (как и католикам) из числа военнопленных жениться на православных, не отказываясь от «своей» веропринадлежности, но запрещавший православным принимать «чужую» веру, а рожденные в браке дети считались православными. В результате, когда было объявлено о возможности вернуться на Родину, военнопленные оказались перед выбором: вернуться без семьи или остаться здесь, приняв православие. Заметим, что после введения института надзирателей за регулярным и правильным отпращиванием обрядов новообращенными, первыми надзирателями оказались А. Эск (принявший фамилию Андреев) и К. Берх – бывшие военнопленные-лютеране, обращенные в православие. Еще более поразительный случай – бывший священник Скараборгского полка Страндбек «...перекрестился в русскую веру и позже стал фискалом в Тобольске... Он так ретиво служил, что обижал своих бывших соотечественников и был нечист на руку» [18]. Поводом для принятия православия могли быть и иные причины. Так, например, известно, что ротмистр Нирот стал в Сибири иконописцем.

Но для большинства оставшихся, предполагаем, было важно, что они «не ждали лучшего в Швеции». После ратификации Ништадского мира 9 сентября 1721 г., который позволил военнопленным вернуться в Европу, Петр I 16 октября 1721 г. внес дополнения, среди которых был и пункт: «Принявших веру и присягу не отпускать, не высылать», навсегда закрывший им путь на Родину. Через год община лютеран в Тобольске (куда съезжались для отправки все пленные) прекратила существование, как и частная школа [19].

Оставшихся лютеран из числа бывших пленников, а также ссыльных и состоявших на российской службе «иноземцев», разбросанных по просторам Западной Сибири, обслуживали редкие священники, выстраивавшие на местах непростые отношения с РПЦ. Для Сибирской епархии дело осложнялось тем, что немало администраторов являлось протестантами. Более того, одно время обязанности лютеранского проповедника в лехотных и драгунских полевых полках выполнял, согласно указания правительства, сам командир Сибирского корпуса генерал-поручик И. фон Шпрингер [20].

РПЦ активно противостояла распространению «иноверия», но не всегда эту политику могла проводить, т.к. государственная власть стремилась привлечь иностранцев к освоению края. Особенно это касалось духовного окормления экспедиционных отрядов, которые набирались «предпочтительно из русских, а не иноземцев» [21], но фактически «За малоимением же русских ... выбраны ж желающие

из иноземцев» [22]. В экспедициях, как правило, присутствовали православные монахи и священники. Некоторые из них не чуждались и науки. Отправляясь во Вторую Камчатскую экспедицию В. Беринг [23], между политической и географических задач имел и «приведения тамошней народ в христианскую веру», для чего надлежало включить 7 иеромонахов в ее состав [24], попутно доставляя на Камчатку священников-миссионеров [25]. Среди сопровождавших экспедицию был и иеромонах А. Мациевич (в последствии митрополит Тобольский и Сибирский Арсений), исследовавший вместе со всеми бассейн Оби с целью поиска Северного морского пути [26]. Одновременно ревностный протестант Беринг [27] обратился в Адмиралтейств-коллегию за разрешением платить из казны пастору Э. Милиесе: «понеже для себя и обретающихся в моей команде служителей-иноземцев я нанял пастора» [28]. Любопытно, что лютеранину Милиесе (которого Беринг по дороге в Сибирь сам привел к присяге) вменялось обслуживать всех не-православных участников экспедиции (в т.ч. католиков): «по должности христианской в далности такой бес пастора пробить невозможно» [29]. Сосуществование на одном пространстве небольшого судна православного и протестантского священников – не только парадокс времени, но и пример решения конкретных проблем «диалога религий», решавшегося на уровне личностей. Возглавлявшие экспедиции протестанты, конечно, стремились снять с себя обвинения в прозелитизме и ущемлении духовных запросов православных подчиненных. Известно, например, что для православных верующих Г. Стеллером приобреталась религиозная литература [30]. По традиции священникам доверяли не только окормлять иноземцев, но и выступать их поверенными в финансовых делах. Так, отправляясь в Камчатскую экспедицию, Стеллер уполномочил пастора Н. Винтера решать вопросы выплаты жалования его жене [31].

Уникальным фактом является то, что к осужденному к ссылке в Березово бывшему вице-канцлеру А.И. Остерману специально прикрепили лютеранского пастора [32]. Нередко, в отсутствие священников, роль пастора выполняли сами прихожане. Так, сосланный в Пелым бывший генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних после смерти пастора Мартенса в 1749 г. взял на себя эту функцию. Протестантское присутствие в крае было осемено именами и других ссыльных – бывших вельмож: регента Российской империи графа Э.И. Бирона, генерал-фельдмаршала графа Б.Х. Миниха, рижского губернатора Бисмарка и др. [33]. К тому времени в Тобольске, Тюмени, Омске, Пелыме, Петропавловске, Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Барнауле уже служило немало российских немцев: врачей, офицеров. Так, например, на пограничных линиях в XVIII в. служило от 50 до 100 немцев. В частности, в Ширванском пехотном полку в 1789 г. из 58 офицеров 7 были немцами, а в Нашебургском полку таких было 6 чел. Род их занятий требовал сбора и анализа различной информации, но наряду с военными целями капитан Генезер, военный инженер И. Мальмс, военные врачи Тилле и Беренц изучали природу и народонаселение Алтая и Северного Казахстана [34]. Для духовного окормления военнослужащих были учреждены вакансии разъездных лютеранских пасторов в Барнауле (1751 г.) и Омске (1769 г.), которые подчинялись Оренбургскому приходу [35]. Надо сказать, что сами священники являлись достаточно любознательными людьми, чтобы ограничиться пасторскими функциями: И.Б. Лейбе, И.Г. Лютер занимались сбором и систематизацией материалов по истории, естествознанию края, а назначенный в 1764 г. пастором на Кольвано-Воскресенские заводы Э.(К.)Л. Лаксман стал позднее даже академиком Российской академии наук [36].

Совершенно случайно закончили свой жизненный путь в Западной Сибири: естествоиспытатель, учившийся теологии в Виттенбергском университете Стеллер – в 1746 г. в Тюмени; в 1796 г. у почтовой станции Древянка Тобольской губернии – лютеранский пастор и исследователь края Лаксман. По существовавшей традиции лютеран не могли хоронить на православных или мусульманских кладбищах [37], но общество нашло выход – известные ученые были погребены за оградой православных кладбищ.

В 1767 г. Екатериной II был утвержден доклад военной коллегии об учреждении в Тобольске (и других городах) «по одному полевому пастору лютерского закону». Указ 1768 г. предполагал, что полевые пасторы будут отправлять богослужения в домовых церквях, т.е. фактически у себя на квартире. Специально для аренды им выплачивались деньги. В марте 1768 г. в церкви святого Петра в Петербурге для служения в Тобольске был рукоположен И.Г. Лютер, но вскоре он был переведен в Омск, где лютеран было больше. Здание лютеранской кирхи в Омске построено в 1792 г. что вызвано большим количеством лютеран, выходцев из прибалтийских немцев среди старших офицеров и чиновников [38], но в ее приходе состояли и 25 семейств лифляндских (финских) поселян Ишимского округа (колонии Рыжкова/Рыжково).

Деятельность протестантских священников и наставников была связана с пребыванием здесь немногочисленных военных и гражданских чиновников, купцов, ремесленников различного вероисповедания, но, что немаловажно, она демонстрирует пример реального «диалога религий».

1. в Сибири в период ее российского завоевания была группа служилых и казаков «из литвинов, литвы», позднее полностью ассимилированных и крещеных
2. Из истории земли томской. Век XVII. Коллекция документов Государственного архива Томской области: Сборник документов / Под ред. В.А. Есиповой / Гос. арх. Том. обл. – Томск. 2004. – С.26.
3. Мамсик Т.С. Сибирские раскольники-немоляки: радикальный протестантизм на востоке России // Протестантизм в Сибири: история и современность: Материалы Междунар. науч. конф. «Протестантизм в Сибири». 26-28 мая 1998 г. – Омск. 1998. Кн. 1. – С. 76-81.
4. т.е. не исповедующие православие. «Ясашными иноверцами» в XVIII в. в Сибири называли всех в ясачном подданстве аборигенов, хотя в XVII в. существовала терминологическая разница в обозначении крещеных и некрещеных «ясачных людей».
5. Эйхельберг Е.А. Немцы в Тюменской области: история и современное положение. – Тюмень. 1999. – С. 7.
6. Лоткин И.В. Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность: Учебное пособие. – Омск. 2003. – С. 30
7. Rizkova // Latviesu konversācijas vārdnīca. – Rīga. 1938–1939. – Sl. 36375.
8. цит. по: Надточий Ю.С. Тобольский музей-заповедник. – Екатеринбург. 1988. – С. 154.
9. Филь С. Панин бугор в Тобольске (новый взгляд на этимологию оронима) // Сибирское богатство. – 2000. – № 1 (2). – С. 163.
10. Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII в. – М., 2005. – С. 42.
11. Там же. С. 44.
12. на присланные из Германии и Москвы 2 195 руб. 79 копеек построены церковь, школа, больница
13. Милищенко О.А. Монеты и жетоны как датирующий инвентарь позднесредневековых поселений и могильников (На примере бассейна реки Тары). – Омск. 2005
14. см: Котлярчук Е. Шведская школа в Тобольске: проблемы историографии источников // Скандинавские чтения 2004 года. – СПб., 2004.
15. Wreech C.F. v. Wahrhafte und umstrundliche Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Subirien. – Sorau. 1725.
16. Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII в. – М., 2005. – С. 42-43.
17. ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3145. Л. 6
18. Petrelli T.J. Ufa sviten // Karolinska Forbundets Arsbok. – Stockholm. 1914. – S. 183
19. Шведская школа в Тобольске в царствование Петра Великого // Тобольские губернские ведомости. – 1857. – № 30.
20. Ерофеева И.В. Конфессиональные процессы среди немецкого населения Казахстана во второй пол. XVIII–нач. XX вв. // История немцев Центральной Азии. – Алматы. 1998. – С. 59.
21. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. Часть 1: Морские отряды. Составители: Наталья Охотина-Линд, Петер Ульф Меллер. – М., 2001. – С. 189.
22. Там же. С. 196.
23. Там же. С. 65.
24. Там же. С. 78, 87. 522-523.
25. Там же. С. 159.
26. Сулоцкий П.А. К жизнеописанию Тобольского, а после Ростовского митрополита Арсения Машиевича; его промемории в Тобольскую губернскую канцелярию; его мнимая могила в Верхнеудинске // Чтения в Обществе истории и древности российских. – М., 1864.
27. сын церковного попечителя в Хорсенсе.
28. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. Часть 1: Морские отряды. Составители: Наталья Охотина-Линд, Петер Ульф Меллер. – М., 2001. – С. 245.
29. Там же. С. 246.
30. Г.В. Стеллер. Письма и документы. 1740. – М., 1998. – С. 237.
31. Там же. С. 83.
32. Елфимов В.И. О предлагаемом проекте памятника А.И. Остерману // Словоцкие чтения – 2003: Материалы докладов и сообщений XV Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. – Тюмень, 2003. – С.36.
33. Зуев А.С., Миненко Н.А. Секретные узники сибирских острогов (Очерки политической ссылки второй четверти XVIII в.). – Новосибирск, 1992. – С. 156.
34. Бургарт М. Из истории немецких поселений в Восточном Казахстане (нач. XX века–1941 г.). – Усть-Каменогорск, 1999. – С. 9.
35. Ерофеева И.В. Конфессиональные процессы среди немецкого населения Казахстана во второй пол. XVIII–нач. XX вв. // История немцев Центральной Азии. – Алматы, 1998. – С. 59.
36. Энциклопедия Алтайского края: В двух томах. – Барнаул, 1997. – Т. 2. – С. 207.
37. Гашев С., Соромотин А. В сердцах потомков // Тюменская правда – 1988. – 17 марта
38. Лебедева Н.И., Рыженков В.Г. Омск. «Город на границе государства Российского...» Историческая мозаика. – СПб., 2001. – С. 23.